

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Г л а в а XXV ¹⁾.

ойдя въ первую комнату, я увидѣла въ центрѣ ея фонтанъ, окруженный цвѣтами. Вдоль стѣнъ разставлены были низкія оттоманки, заваленныя массой шелковыхъ и бархатныхъ подушекъ.

Прежде всего, что пріятно поразило меня здѣсь, это ароматный и свѣжій воздухъ въ противоположность нашимъ предбанникамъ, всегда душнымъ и насыщеннымъ парами.

Здѣсь освобождаются отъ одеждъ, отдыхаютъ послѣ мытья, бесѣдуютъ и развлекаются разными незатѣйливыми удовольствіями.

Помѣщеніе это единственное общественное мѣсто, гдѣ турецкая женщина находитъ для себя то же, что европейская дама въ собраніяхъ и театрахъ. Въ комнатѣ царилъ полумракъ отъ приспущенныхъ шторъ, и когда я осмотрѣлась, то замѣтила, что на всѣхъ диванахъ и даже прямо на коврахъ сидѣло и лежало около 40, а можетъ быть и больше, женщинъ въ пестрыхъ и нарядныхъ платьяхъ. Однѣ изъ нихъ, полулежа, курили наргиле, другія жевали что-то съ наслажденіемъ. На колѣняхъ передъ иными ползали невольницы и наливали изъ серебряныхъ кувшиновъ душистое питье. Всѣ турчанки съ жаднымъ любопытствомъ принялись оглядывать мою фигуру съ ногъ до головы.

— Селямъ алейкюмъ! — привѣтствовала я ихъ первая, какъ и полагалось.

— Алейкюмъ селямъ! — отвѣтили хоромъ онѣ и, покинувъ мѣста свои, окружили меня тѣснымъ кольцомъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, май 1910 г.

Ашима стала что-то объяснять имъ по-турецки.

Я уже говорила, что благодаря точному предсказанію луннаго затменія, мнѣ было дано въ гаремѣ Кіамиль-паши лестное прозвище „праведной франки“, о чемъ, вѣроятно, и сообщила почтенному собранію сама губернаторша.

Выслушавъ ее, турецкія дамы немедленно приблизились ко мнѣ и занялись тщательнымъ изслѣдованіемъ ладоней моихъ, какъ бы отыскивая въ линіяхъ ихъ разгадку чего-то таинственнаго и непостижимаго. Въ то же время, сильно жестикулируя, онѣ, судя по интонаціи, о чемъ-то убѣдительно просили меня. Элиме тотчасъ же перевела просьбу подругъ рассказать имъ, о чемъ бесѣдовалъ со мной Аллахъ черезъ посредство архангела Гавріила?

Исполнить подобный абсурдъ было не по силамъ моимъ, и я попробовала увернуться:

— Элиме,—проговорила я томно, закрывая глаза и опускаясь на подушки дивана,—у меня сильно кружится голова отъ запаха розъ—прикажите открыть окна...

Но такой маневръ оказался не совсѣмъ удачнымъ: надо было видѣть испугъ этихъ невообразимо глухихъ созданій, когда я растянулась на оттоманкѣ и притворилась, что мнѣ дурно! Всѣ онѣ съ крикомъ попятились назадъ, повторяя на всѣ лады слово „кѡчекъ“, что значитъ „собака“. Тогда я сдѣлала видъ, что очнулась отъ обморока и спросила о причинѣ переполоха?

— Онѣ думаютъ, что васъ укусила бѣшеная собака,—съ хохотомъ отвѣтила болѣе цивилизованная дочь губернатора,—и боятся заразы; но не смущайтесь, я ихъ сейчасъ же успокою.

Узнавъ, что припадокъ мой не опасенъ, испуганныя турчанки вернулись на свои мѣста и предались оживленной между собой бесѣдѣ.

Такъ и остался неразрѣшеннымъ вопросъ: почему, если человеку дѣлается дурно, то надо думать, что его укусила собака?

Вдругъ на середину комнаты вбѣжали четыре дѣвушки въ широкихъ шальварахъ и короткихъ, расшитыхъ золотомъ, кофточкахъ. Это и были баядерки, выписанныя Кіамиль-пашой изъ Дамаска по порученію великаго визиря Махмудъ-Недима, а пока гастролирующія въ его гаремѣ.

Онѣ подняли надъ головами тамбурины и замерли въ граціозныхъ позахъ.

По знаку губернаторши танцовщицы стремительно закружились, ударя въ бубны.

Но что это была за пляска! Невозможно передать словами все очарованіе ея!... Кто видѣлъ этихъ гибкихъ, какъ пантера, пламен-

ныхъ, какъ огонь и стремительныхъ, какъ ураганъ баядерокъ, тому грація нашихъ прославленныхъ балеринъ должна казаться дѣланной и вымученной.

Вся прелесть танца ихъ заключается не въ акробатическихъ приемахъ и стальныхъ носкахъ европейскихъ корифеекъ—нѣтъ! здѣсь танцуютъ не ноги, а дрожатъ и трещетъ каждый мускулъ, каждый нервъ огненнаго темперамента, какъ бы изнемогающаго подъ наплывомъ бурной страсти и жаркой любви.

Таково въ сущности было бы впечатлѣніе нашего балетмана, если бы ему удалось проникнуть въ тайники богатыхъ гаремовъ.

Впослѣдствіи мнѣ приходилось лично слышать отъ нѣкоторыхъ знатныхъ турокъ, бывающихъ на западѣ, не совсѣмъ лестное мнѣніе о нашихъ жрицахъ Терпсихоры. И немудрено, разъ они имѣютъ возможность обзаводиться своими собственными гуріями, которыхъ, кстати сказать, правовѣрные весьма тщательно скрываютъ отъ взоровъ жаднаго иностранца.

Накружившись вдоволь, баядерки растянулись на коврѣ возлѣ фонтана и, тяжело дыша, прежде всего попросили закурить папирсы.

Но вотъ на сцену выступила, судя по головному убору, египтянка и монотоннымъ речитативомъ, аккомпанируя себѣ на какомъ-то инструментѣ, въ родѣ нашихъ цимбалъ, начала по программѣ дня серію арабскихъ сказокъ.

Въ то же время одна изъ служанокъ подошла ко мнѣ и помогла раздѣться, а затѣмъ привязала къ ногамъ моимъ деревянные башмаки съ такими высокими каблуками, что я почувствовала себя какъ бы на ходуляхъ, и повела въ жаркую половину бани.

Здѣсь оказалось чрезвычайно душно, и дышать стало затруднительно. Банщица уложила меня на мраморный помостъ и принялась съ превеликимъ усердіемъ мылить и скоблить кожу мою жесткой перчаткой изъ верблюжьей шерсти. Отъ боли я стонала и пробовала освободиться; но вскорѣ убѣдилась, судя по всѣмъ приемамъ инквизиторши, что на это нечего было и надѣяться: при малѣйшемъ движеніи сильныя руки еще крѣпче сжимали меня въ своихъ тискахъ.

Послѣ довольно продолжительнаго истязанія неутомная мучительница поволокла бранные останки мои въ слѣдующую комнату для совершенія надъ ними процедуры турецкаго массажа по части, такъ называемаго, „выправленія суставовъ“.

И, дѣйствительно: по окончаніи этого главнаго акта банной обрядности мною овладѣло такое ощущеніе, какъ будто всѣ кости, связанные до сего мускулами, вдругъ раздвинулись и приобрѣли необыкновенную гибкость.

Кожа моя точно также нисколько не пострадала, какъ я боялась, отъ дѣйствія варварской перчатки.

Въ заключеніе искусная операторша окатила меня душистымъ настоемъ изъ розъ и отвела въ послѣднее отдѣленіе.

Тамъ я увидѣла обширный бассейнъ, окруженный цвѣтущими кустарниками. Въ немъ уже плавало нѣсколько турчанокъ. Последнія съ радостнымъ визгомъ подхватили меня на руки и подняли отчаянную возню, ныряя взапуски и разбрасывая вокругъ себя фонтаны брызгъ.

Наконецъ, сильно утомленная, я выбралась изъ водоема и, съ помощью служанки, отправилась на тѣхъ же ходуляхъ въ уборную. Здѣсь меня уложили, закрыли одѣялами и обложили подушками.

Пока я предавалась сладкому кейфу, дочь губернатора успѣла выкупаться и вернуться сюда же. Она прилегла рядомъ со мной и чрезвычайно ласково обратилась ко мнѣ съ такою рѣчью:

— Ягненочекъ ¹⁾ мой дорогой, я хочу серьезно поговорить съ вами объ одномъ очень важномъ дѣлѣ—прошу выслушать меня и сегодня же рѣшить этотъ вопросъ.

Затѣмъ, бросивъ бѣглый взглядъ въ сторону и убѣдившись, что никто не обращаетъ на насъ вниманія, она продолжала:

— Вотъ что, милая моя: вы понравились Тафти-бею, и онъ просилъ моего отца посодѣйствовать ему въ намѣреніи жениться на васъ. А разъ паша нашъ за что берется, то все и будетъ сдѣлано, какъ слѣдуетъ. Остается еще получить согласіе вашего дяди; но это не трудно: онъ прекрасно знаетъ, что нашъ адъютантъ завидный женихъ: богатъ и на хорошей дорогѣ — чего же еще надо? Аллахъ посылаетъ вамъ особенное счастье!

— Какой вздоръ! — расхохоталась я отъ души, — съ чего вздумалось вамъ, Элиме, разыгрывать роль свахи, надѣюсь, вы шутите?

— Нисколько! — запальчиво возразила она, — мусульмане не шутятъ подобными вещами! Повторяю: Селимъ-Тафти любитъ васъ и желаетъ какъ можно скорѣй обвѣнчаться съ вами; но, конечно, по магометанскому обряду, — добавила она внушительно.

— Мнѣ приказано также объяснить вамъ, — продолжала Элиме, — что Тафти бей разводится съ Фатимой, а невольницу свою отдаетъ намъ, такъ что вы будете единственной его женой, однимъ словомъ, онъ собирается жить съ вами по примѣру Омеръ-паши и другихъ, женатыхъ на христіанкахъ.

— Странно! — развела я руками, — ужъ не ошибаетесь ли вы?

¹⁾ Любимое ласкательное прозвище у турокъ.

До сихъ поръ при нашихъ случайныхъ и рѣдкихъ встрѣчахъ бей не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія; когда же успѣлъ онъ воспылатъ ко мнѣ?...

Говоря такъ повидимому равнодушно, я, тѣмъ не менѣе, со жгучимъ любопытствомъ ждала ея отвѣта. Что-то уже трепетало и пѣло въ глубокихъ тайникахъ моей души, и образъ надменнаго красавца вставалъ передо мной во всемъ его очарованіи...

— Ни одинъ порядочный турокъ не позволитъ себѣ обнаруживать публично свое расположеніе къ женщинѣ, — какъ сквозь сонъ услышала я вызывающій голосъ Элиме, — такое право принадлежитъ только мужу, а не жениху. О любви и другихъ чувствахъ можно поговорить послѣ свадьбы. Теперь же ему необходимо прежде всего заручиться согласіемъ и одобреніемъ паши, а также отца своего и вашихъ родныхъ.

Мнѣ было не до того, чтобы оспаривать столь своеобразную аргументацію затворницы гарема: я жадно ловила ея слова, и во мнѣ разгоралось непреодолимое желаніе узнать еще что-нибудь о немъ.

Правда, къ тому времени, благодаря внушеніямъ и совѣтамъ Магіе, я успѣла, какъ мнѣ казалось, освободиться отъ чаръ необыкновенной красоты молодого человѣка. Случалось, мы встрѣчали его на прогулкахъ возлѣ моря; но онъ сухо кланялся намъ издали и проходилъ дальше.

Такое высокомеріе со стороны прекраснаго бей несказанно бѣсило меня, и я клялась себѣ не замѣчать его существованія; но по странному противорѣчію сердца, это обстоятельство и сыграло главную роль въ дальнѣйшемъ моемъ увлеченіи.

— Гаремъ—страшная вещь сама по себѣ,—слѣдуя за теченіемъ своихъ мыслей повторила я вслухъ одно изъ наставленій Магіе.

— Вы ошибаетесь,—сердито перебила турчанка,—развѣ мы не такіе же люди, какъ вы?

— Но я не могу, да и не желаю мѣнять вѣру! — былъ мой отвѣтъ.

— И не надо!—спокойно возразила она,—вы можете выйти замужъ за исламита безъ всякихъ къ тому религіозныхъ препятствій. Турки часто женятся на франкахъ, въ особенности изъ высшаго круга въ Истамбулѣ. Примѣровъ сколько угодно: главная Кадина Падишаха—армянка; затѣмъ, у наслѣдника его, Мурада—англичанка; единственная жена Омера—австрійская католичка; Оноре-паши—француженка и много другихъ.

— Чѣмъ всѣ онѣ хуже васъ—такія же христіанки,—насмѣшливо улыбаясь, прибавила Элиме.

— И повѣрьте мнѣ,—продолжала она въ поучительномъ тонѣ,—имъ живется несравненно лучше, чѣмъ многимъ женщинамъ въ Европѣ съ ихъ учеными мужьями. Мой отецъ всего насмотрѣлся за границей и говоритъ, что Селимъ-Тафти самый подходящій для васъ женихъ. Я потому и стараюсь вести съ вами дружбу, что считаю васъ будущей хозяйкой гарема любимаго адъютанта моего отца,—откровенно призналась сваха и прочла мнѣ цѣлую лекцію о счастіи быть женой магометанина.

— Поймите же, Элиме, что мнѣ, русской, нечего объ этомъ и думать: наша церковь и правительство не разрѣшаютъ намъ браковъ съ нехристіанами, а потому на согласіе моего дяди никакъ нельзя рассчитывать, такъ какъ онъ чиновникъ Короны и не можетъ допускать нарушенія законовъ государства,—прибѣгла я къ послѣднему ресурсу самозащиты отъ соблазна и въ то же время страстно желая быть побѣжденной въ спорѣ.

Турчанка окинула меня загадочнымъ взглядомъ и, лукаво улыбаясь, еле слышно проговорила:

— Наклонитесь ко мнѣ поближе, я кое-что шепну вамъ на ушко: Мидхатъ-паша уладитъ дѣло--вотъ увидите! онъ скоро будетъ первымъ сановникомъ въ Истамбулѣ.

Такая комбинація показалась мнѣ маловѣроятной, и я съ разочарованіемъ отвернулась отъ нея. Между тѣмъ собесѣдница моя, подобно демону — искустителю, продолжала разрисовывать передо мной яркія перспективы совмѣстной жизни съ очаровательнымъ красавцемъ, направляя полетъ моей фантазіи въ міръ волшебныхъ грезъ и радужныхъ надеждъ. Долго и жадно внимала я соблазнительницѣ, съ тревогой прислушиваясь къ тайному голосу, который напоминалъ мнѣ о благоразуміи и осторожности. Тяжелая тоска сжала сердце, а странныя мысли кружились и мелькали въ головѣ: но мнѣ никакъ не удавалось собрать ихъ вмѣстѣ, и дать имъ опредѣленную форму. Я хотѣла возражать и защищаться; но слова убѣгали отъ меня. Какъ вдругъ сказанное ею: „Зато какой хорошенькій подарочекъ получу я за хлопоты“,—моментально вернуло меня къ дѣйствительности.

Очарованіе было нарушено и я, охваченная гадливымъ чувствомъ, съ негодованіемъ спросила ее:

— Если быть женою вашего бейя такое несравненное благополучіе, какъ вы утверждаете, то почему Кіамиль-пашѣ не устроить этого для собственной дочери, а меня оставить въ покоѣ и предоставить собственной участи?

На губахъ дѣвушки заиграла надменная улыбка, и тонъ ея дальнѣйшей рѣчи поразилъ меня своею циничною откровенностью.

— Боже мой! — думала я съ отчаяніемъ,—что, если турчанка права, и прелестный юноша дѣйствительно любить меня? О! какъ ослѣпительно блеснулъ метеоръ и неужели только для того, чтобы погаснуть и не оставить слѣда?... Кто укажетъ мнѣ правильный путь и выведетъ изъ лабиринта, куда завела меня всегда причудливая и капризная судьба. Не родные же, которые больше всего страшались ответственности передъ нашей дипломатіей, чрезвычайно строго слѣдившей въ тѣ времена за православными на Востокѣ и въ чемъ усердно помогало ей греческое духовенство. Фанатичное въ несравненно большей степени, чѣмъ послѣдователи Ислама, оно проявляло религіозную нетерпимость даже по отношенію къ другимъ своимъ православнымъ собратіямъ и весьма подозрительно смотрѣло на моего дядю, женатаго на католичкѣ.

При данныхъ условіяхъ было бы рискованно искать сочувствія здѣсь, а ввѣриться руководительству гаремныхъ дамъ также казалось не совсѣмъ удобно, зная ихъ лукавые приемы и неискренность. Придумать что-либо другое—было мнѣ не подъ силу, и я залилась горькими слезами обиды и разочарованія.

— Ягненочекъ! вы плачете; но о чемъ?—наклонилась ко мнѣ Элиме.—Или вы думаете, что отецъ мой безсиленъ устроить дѣло? Напрасно! Обѣщайте мнѣ часть тѣхъ подарковъ, которые получите вы отъ жениха—Селимъ-Тафти богатъ—и все будетъ улажено къ вашему благополучію. Согласны? Я жду отвѣта.

— Хорошо!—уже не помня себя, порывисто отозвалась я, бросаясь къ ней на шею:—все берите, все ваше, но только его дайте мнѣ.

— Ну, и прекрасно! — самодовольно улыбнулась она,—но подъ однимъ условіемъ: слѣдовать моимъ указаніямъ...

— Да, да!—задыхаясь, прошептала я,—дѣлайте со мной, что хотите—вся къ вашимъ услугамъ!..

— Иншаллахъ!—подтвердила набожная мусульманка, и вся обратилась въ слухъ, такъ какъ повѣствованіе о жареномъ баранѣ въ турецкомъ царствѣ небесномъ все еще продолжалось.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

